

~ СЕРГЕЙ ~
АЛЕКСЕЕВ

КАРАГАЧ

К Н И Г А   В Т О Р А Я

*Запах
цветущего
кедра*

Во второй половине дня солнце и вовсе жарило по-летнему, густо и терпко, до хмельного головокружения, запахло разогретой кедровой хвоей и ещё чем-то незнакомым — неким приятным, чуть охлаждающим эфирным ароматом, от которого наваливалась полусонная, обволакивающая нега. Но при этом от земли, даже от мягкого подстила, и от разлива полой воды ещё источался знобящий холодок.

Женя сначала расстелила вкладыш от спальника прямо возле кострища, на самом припёке, но, почуввав слишком яркий контраст температур, перебралась на жердяное основание палатки. Оно возвышалось над землёй, как постамент, и, застеленное жёлтой прошлогодней пихтовой лапкой, уже прокалилось на солнце. Ультрафиолета сюда попадало явно меньше, лучи били чуть вкось, цепляя игольчатые кедровые кроны, однако тут она и уловила этот неведомый и нежный эфир, от которого хотелось потянуться, потом расслабиться и ощутить бездумную истинную благодать. Вдыхая его, она вдруг захотела, чтоб Стас сейчас пришёл — почувствовал её зов и вернулся, прибежал! И тогда они бы не уходили со стана и не прятались, и всё бы случилось прямо здесь, на этом ложе...

Воображение у неё всегда было отчётливым и объёмным, а тут, вероятно, под воздействием летучего, будоражащего запаха, и вовсе путалось с реальностью. Она закрыла

глаза, чуть выгнула спину, отдаваясь солнцу, представила, как Стас — обнажённый, мускулистый и сильный — подхватил её на руки, и в тот же час по телу пробежала сладкая, судорожная дрожь — состояние, сходное с ощущением невесомости и полёта. Она понимала, что это блажь, обожаемая детьми и женщинами, причём для последних опасная, ибо страсть к таким полётам хоть и создаёт ощущение крылатости души, но предательски делает доступным тело, поскольку укачивает боль, убаюкивает самолюбие и гордость. И отказать мужчине, взявшему тебя на руки, уже почти невозможно.

Женя высвободилась из призрачных объятий и привстала — мотор выл где-то далеко и, кажется, удалялся.

— Сейчас я напушу на тебя чары, — увлекаясь мысленной игрой, прошептала она. — И ты придёшь. Я хочу тебя... Ну, вспомни моё тело! Ты же любовался им и жаждал. Посмотри, какая тугая и зовущая грудь. Ты прикоснулся к ней своими горячими ладонями... Теперь я вся твоя. Хочу, чтоб ты вернулся и... обнял меня... взял на руки. Ты слышишь мой зов?

Все более наливаясь страстью, она выпросталась из трусиков и лифчика, потягиваясь, перекатилась с боку на бок и прислушалась. Звонящий звук лодочного двигателя гулял над затопленным лесом, выписывая зигзаги, и было не понять, в какую сторону улетает. Истома и нега уже отзывались в теле произвольными глубинными толчками крови, предощущение близости сливалось в горячий комок, но не находило опоры и проваливалось в бездну. Она знала, чем закончится неудовлетворённое буйство плоти, — головной болью, красными глазами и саднящей тяжестью внизу живота.

Стас оказался толстокожим и глухим: не услышал, не вздрогнул, не ринулся назад, и надо было гасить этот огонь. Женя вскочила с ложа и, стиснув зубы, побежала к разливу. Она ничуть не заботилась о своём виде и даже хотела, чтоб кто-нибудь, пусть даже плешивый Гусь, увидел её обнажённой и захлебнулся слюнями. Она любила загорать всё лето или купаться до января только потому, что можно прилюдно, на глазах мужчин, освободиться от одежд. И во все не для того, чтобы показать себя и свои прелести, ей необходимо было насытиться тончайшей энергией мужского созерцания. Она была уверена, что интуитивно это чувствуют и этого хотят все женщины.

Похоже, на берегах золотоносной речки в тот час были только приискатели, бульдозеристы, геологи и начальники, но только не мужчины. Впрочем, нет, кажется, один был — тот, что украл купальник, только вот слишком робкий, но знающий магическую силу подобных интимных вещей.

Ледяная вода обжигала и в первый миг показалась горячей. Она погрузилась по горло, уберегая волосы, умыла лицо и через минуту вышла медленно, подавляя рвущийся наружу крик ознобленной души, ибо она, душа, терпеть не могла холода.

— Мальчик, я лишаю тебя сладкого! — проговорила она с озорной мстительностью и погрозила кулачком в сторону прииска. — Теперь тебе придётся заслужить... конфетку.

После купания плоть усмирилась и даже испытывала лёгкое отвращение. Женя надела трусики, лифчик, легла на живот, раскинув руки, — отдалась солнцу, но сначала услышала щебет ласточки на крыше навеса, потом вновь ощутила ле-

тучий аромат эфира, доносимый слабым ветерком откуда-то из гущи кедровых, нисходящих до земли и развесистых крон. Теперь уже её разбирало любопытство — что могло так пахнуть? Какой-нибудь ранний цветок, размягчённая на солнце смола? Почему вчера она его не почувствовала? Она завернулась во вкладыш от спальника, подошла к ближайшим кедром, долго приняхивалась, присматривалась, задрала голову, и решила, что запах этот исходит сверху: на макушках было что-то желтоватое, вроде гроздей мелких невзрачных бутончиков, с коих на хвою сыпалась пыльца. Она ещё не знала, что кедр цветёт, и, обнаружив это, как-то приятно восхитилась — конечно же! Такой тонкий и манящий аромат может издавать что-либо редкостное и необычное! И всё для того, чтобы приманить, завлечь того, кто сможет опылить, — насекомое, например... Вернётся Стас, надо загадать ему загадку. Впрочем, если он не услышал её зова, не поддастся чарам, вряд ли и нюх у него есть. Ему, как всем мужчинам, кажется, что женщина любит ушами, поэтому и говорит слишком много слов, а она, женщина, живёт в мире запахов и любит носом. Поэтому и слова «обоняние» и «обаяние» почти одинаковы.

И тут её осенило: надо заставить Стаса забраться на кедр и сорвать эти цветы! Что-что, а уж каприз её он выполнит, и вообще, сегодня ему достанется...

Женя пошла к своему ложу и боковым зрением уловила нечто, нарушающее привычный рисунок близкой опушки леса. И то ли в ней прозвучало, то ли послышалось обронённое кем-то осуждающее слово:

— Срамота!

Негромко так, но внушительно, как внутренний голос.

Пожалуй, минуту Женя всматривалась в тёмно-зелёную, непроглядную кромку кедровника, но ничего не заметила. И всё-таки что-то заставило вернуться к столу под навесом, где оставался её спортивный костюм.

— И впрямь срамота, — согласилась она. — Нудистский пляж тут устроила...

Успела надеть брюки и только взяла куртку, как прямо перед собой, на опушке, отчётливо увидела силуэт высоченного человека, мелькнувшего между деревьев.

— Эй, кто там? — спросила негромко и села, ощутив слабость в ногах.

Они возникли на фоне тёмного кедровника, словно проявились на фотобумаге: сначала обозначились контуры двух фигур — один чуть ли не саженного роста, другой короткий, кряжистый, длиннорукий, — и лишь потом отрисовались лица, одежда и прочие мелкие детали. Высокий был каким-то умиротворённым, золотобородым и длиннолицым, с косичкой, выглядел молодо, лет на тридцать, и более напоминал святого с иконы; низкий же, напротив, был много старше и походил на замшелого лешего — пегая борода веником, такие же волосы до плеч, нос крючком, да ещё при этом стриг чёрными, прищуренными глазами из-под низких бровей и надвинутой на лоб бесформенной шапки. Страшный и смешной одновременно! Вообще вид незнакомцев сразу ей показался ненастоящим, поскольку оба выглядели ряжеными и потешными: длиннополые синие рубахи под поясами, у каждого на животе по ножу в ножнах, а на плечах — безрукавные кожаные распашонки, отороченные по вороту и полам тёмными соболями. Не обыденные и до смешного богатые, должно быть, одеяния!

Иконописный детина смущённо приблизился к столу, встал перед Женей, как-то театралью стацил суконную с соболюной оторочкой шапку и потупил свои постнические, но выразительные очу. Вероятно, это был некий торжественный момент, что-то сказать хотел, но вызывал лишь улыбку, поскольку слишком уж неожиданной и забавной была его причёска — светлые волосы зализаны спереди, чем-то намазаны и туго завязаны широким кожаным ремешком. В сочетании с прочим одеянием — эдакий поп, или, точнее, попище!

Его пегий спутник поспешно обогнул стан геологов, пострелял взором и, убедившись, что поблизости никого нет, зашёл к Жене сзади.

— Здорово были, красавица! — поздоровался он громко, надтреснуто и грубовато, словно понуждая Женю оглянуться.

Она не оглянулась: смешной ряженный детина словно приворожил взгляд своим иконописным образом.

— Да что, Прокопий, — спросили за спиной насмешливо и как-то угрожающе, — по нраву ли тебе отроковица?

Саженный малый на секунду поднял взор, ничего не сказал и вновь опустил выпуклые веки. Его золотистая, окладистая борода искрилась на солнце, и Женя ощутила совсем уж неуместное и шкодливое желание её погладить, как гладят котёнка.

— Или не глянется товар? — поторопил леший.

— По нраву-то по нраву... — медленно и натруженно выдавил молодец. — Да осрамилась...

— А кто позрел-то? — ухмыльнулся леший. — Никого нету!

— Я и позрел...

— Дак тебе позволительно! И старики велели нагую взять!

— Ежели так токо... — скромный детина откашлял хрипотцу. — Ишь, растелешилась...

— Загорала она на солнышке! У них, как у соболей, заведено: чем шкурка черней, тем дороже!

— Это у соболей, — всё ещё тянул богообразный великан с потупленным взором. — А девице след быть с одним пятнышком на хвосте, подобно горностаю.

— Да где же взять ныне с одним? Они пятнисты от рождения! Какая уж досталась по жребию.

— Сомнения есть...

— Ты жениться хочешь? Твоё слово?

— Хочу.

— Ну и добро! — заключил его весёлый спутник. — Проведёшь сквозь чистилище, отбелишь шкурку-то, вот и будет тебе жена!

— Разве что сквозь чистилище, — неуверенно согласился «жених».

— Собирайся-ка, девица, замуж!

Мало того что стояли они и препирались, будто Жени рядом не было, так ещё леший выглянул из-за её спины и рассмеялся в лицо!

— Уж не за тебя ли замуж? — надменно усмехнулась она.

Затылок ознобило: от лешего исходил некий неясный, однако прилипчивый страх, смешанный с омерзением.

— Дак я женатый, — серьёзно ответил тот. — За Прокошу пойдёшь.

Она ещё хорохорилась, но чувствовала, как уходит наигранный циничный задор.

— За этого, что ли? — кивнула на детину.

— За него, ласточка, за него. Суженый твой...

А этот суженый приблизился ещё на шаг и внезапно встал на колени и поклонился ей до земли — ничего подобного она не видела, не ожидала и на мгновение оторопела.

— Что это он делает? — спросила она сама у себя.

— За себя зовёт взамуж, — однако же объяснил спутник.

— Почему молчит? Пусть сам скажет! А я подумаю.

— По обычаю я речи веду, — леший всё ещё вертелся сзади, и от этого холодило спину. — Я сват при нём. Он и так сёдни много говорит! Даже про горностая вспомнил!

— Так вы меня сватаете? — Женя засмеялась и сама услышала предательский звон в голосе, возникающий от слабеющей воли. Кажется, ещё минута — и способность к сопротивлению переломится, как лучина.

И мгновением позже вдруг поняла его природу: ещё недавно тонкий и едва уловимый запах цветущего кедра, наносимый ветерком, незаметно усилился и теперь реял повсюду. Ещё этот черноглазый ведьмак маячил за спиной совсем близко, заглядывал в лицо, гипнотизировал:

— Дак уж высватали! Дело-то сделано, соглашайся по добру. Позри, экий тебе жених достался! Да за таким впору и своими ножками.

Женя вскочила, резко обернулась и чуть не попала к лешему в объятия. Инстинктивно отшатнувшись, она опрокинула крышку лодочного багажника на столе, книги посыпались наземь.

— Вы кто такие?! — почти бессильно выкрикнула, ощущая вдруг неуместную сонливую вялость мысли.

Леший сверкнул чёрным глазом, бережно поднял книги, сдул соринки.

— Погорельцами назовут — не верь. Мы — огнепального толка люди. Слыхала, поди? Собирайся да пойдём с нами.

Гул лодочного мотора то пропадал, то возникал вновь, и доносился лязг ковшей драги.

— Никуда я не пойду!

— Коли так, ведь силком унесём! — весело и неопасно пригрозил тот.

Молчаливый жених, как по команде, встал рядом, перекрыв путь к отступлению, — вырваться на волю мешали вкопанные в землю стол и лавка.

— Попробуйте!

Женя вскочила на лавку и оказалась вровень с саженным суженым, почти лицом к лицу. Если бы он сделал движение, чтобы схватить, или глянул дерзко, как хищник на добычу, то она в тот же миг прыгнула бы через стол и понеслась в сторону прииска. Однако он обескуражил тем, что смотрел с какой-то тлеющей мужской печалью влюблённого и ранимого человека. У этого молчуна глаза были настолько выразительными, что читалось всякое движение его души. А ещё показалось, что от его волос, лица и бороды исходит ошеломительный и завораживающий запах цветущего кедра! И это неожиданным образом очаровывало её, лишало сопротивления, и неизвестно, что случилось бы, продлись ещё это чувство, возможно, и впрямь сама бы пошла за ним с покорностью смиренной овцы, однако всё испортил леший. Воспользовавшись замешательством, он схватил её сзади поперёк туловища, прижал, захохотал и потащил в лес.

— Одна отрада свату — отроковицу потискать да пошшикотать!

Руки у него были цепкие и сильные, как у обезьяны, и вонял он тошнотворным мускусным запахом псины. Вывернуться Жене не удалось и бить неудобно — физиономии не достать. И тогда она изогнулась по-кошачьи и с шипением вцепилась сразу в бороду и волосья. Намотала на кулаки — треск пошёл, будто траву рвут! Весёлый сват замычал, заскулил и разомкнул свои лапы. Но Женья не отцеплялась, обвиснув, тащилась за ним, пока не оторвалась вместе с пегими ключьями в руках.

— Ну, полно!

— Я тебе все патлы выдерну! — раззадорившись на миг, пригрозила она. — Чего хватаешь?!

Леший весёлости своей ничуть не потерял.

— Эка норовиста! — изумлённо проговорил он, оправляя бороду. — Вот уж добра тебе невеста досталась! Не зря два лета ждал. Вот сам и бери, Прокопий!

Тот приблизился вплотную, но не делал попыток взять её — взирал как-то спокойно, неотвратимо, чаровал своими тоскующими влюблёнными очами и эфиром. Несмотря на это, Женья отступила, наткнувшись на кострище и заготовленные Стасом дрова. Поленья были берёзовые, тяжёлые: попади одно в голову — с ног свалит; однако жених шёл открыто, как-то незаметно уворачивался и, кажется, однажды даже улыбнулся, когда дровина зацепила его золотую бороду.

Ещё заметила: он любовался ею!

Потом она попятилась к палатке, как к последнему укрытию, и тут, зацепившись за растяжку, упала. И вскочить уже не успела, ибо этот молчаливый жених склонился, легко под-

нял её, скрутил, спеленал своими руками, да так крепко прижал к себе, что нельзя было пошевелиться.

И теперь уже убедилась окончательно: его волосы были намазаны неким маслом, источающим манящий, притягательный эфирный аромат.

А ей показалось, что так пахнет цветущий кедр.

— Отпусти! — неуверенно потребовала она. — Задушишь...

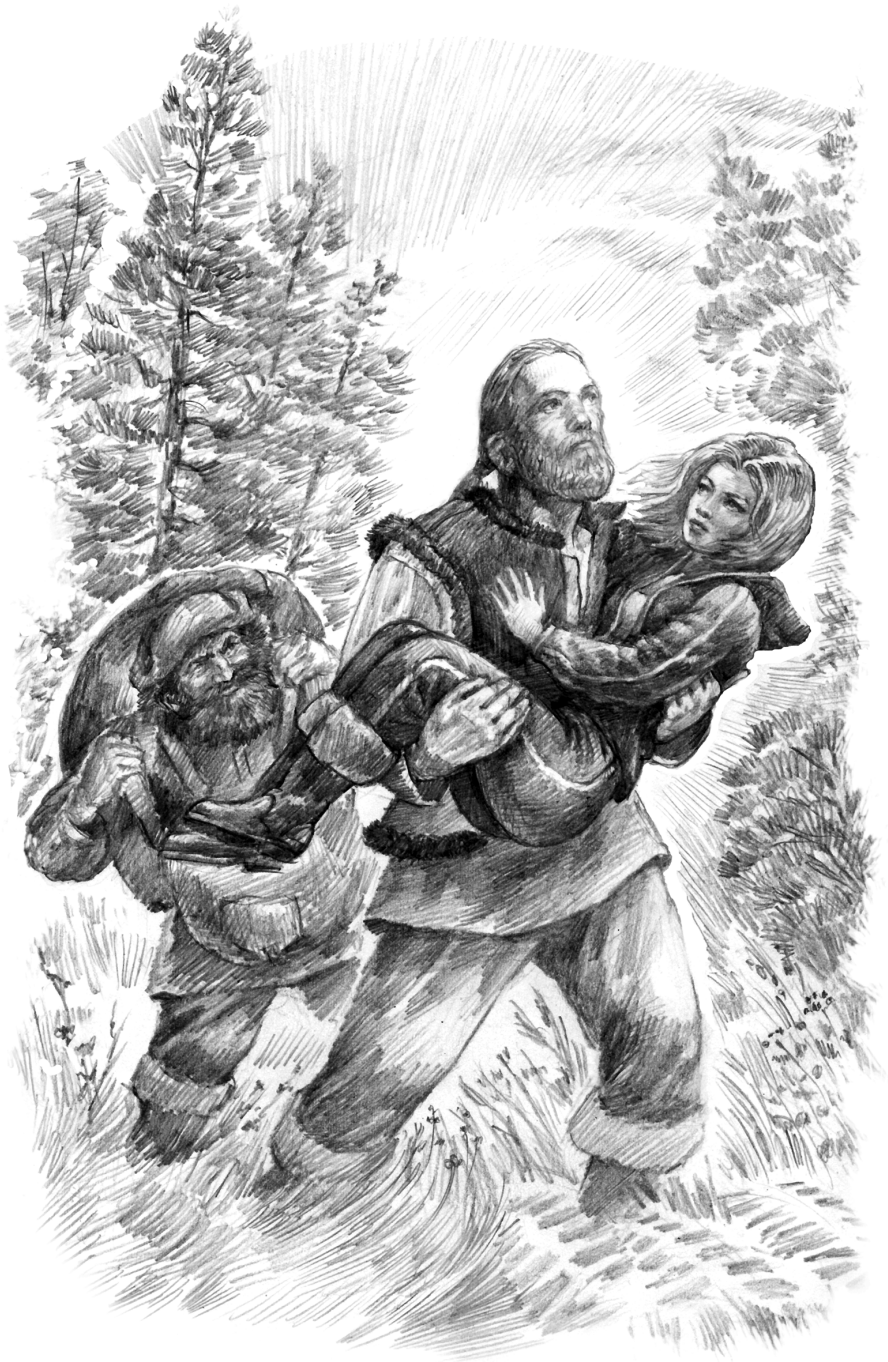
Он словно не слышал, стоял и поджидал, когда его сват соберёт в рюкзаки книги и вещи Жени. Золотистая, неожиданно мягкая борода щекотала лицо, и в носу уже назревал чих. Она затаила дыхание, перетерпывая зуд в переносице, и, не удержавшись, чихнула неожиданно и от души, так что этот могучий детина вздрогнул и впервые засмеялся.

— Сто лет тебе жить! — восхищённо воскликнул лучший. — Какой в человеке чих, таков и век! И ребят баских нарожаешь!

— Ну, хватит, сама пойду! — она шевельнулась, преодолевая сопротивление.

Он вдруг выпустил её, как выпускают птицу, — поставил на ноги и сразу раскрыл объятия. Женя перевела дух, огляделась и хоть желания бежать не испытала, но смиренной овцой стоять не могла. Скорее, из озорства, из своей противоречивости сначала сделала несколько шажков вперёд, затем с места рванула в сторону прииска. Огнепальный жених не ожидал такой прыти, замешкался, и она выиграла несколько секунд — этого хватило, чтобы выскочить из кедровника на вырубку.

— Стас! — успела крикнуть на бегу и потому сдавленно. — Стас! Меня уносят погорельцы!

Она ещё слышала вой мотора на речке: он уезжал и не чувствовал, что происходит то, чего сам так опасался, — похищение. И услышать, естественно, не мог.

Суженый настиг её через сотню метров, на бегу подхватил, словно цветок сорвал, облапил, обвил, как спрут, и, не спеша, понёс к стану.

Тем временем леший наскоро собрал рюкзаки, даже фотоаппарат не забыл; тяжёлый рюкзак с книгами завалил за спину, второй повесил на грудь.

— Ну, Прокошка, давай ходу! А коль завопит, дак ты её цалуи в уста-то!

— Как цаловать-то?

— По-мужески! — научил леший. — Не чмокай, а губы засасывай! Пондравится!

Жених скосил говорящие глаза на её губы, словно предупредил: мол, поцелую, если закричишь, потом стиснул свою ношу ещё крепче и понёсся, словно лось, уберегая её голову от сучьев. Похищенная отроковица и впрямь едва дышала, однако при этом испытывала чувства смешанные, странные. Душа ещё противилась насилию, однако замороченный разум влекло ожидание некоего приключения, забавы, развлечения. Этот иконописный, желтобородый богатырь, без устали бегущий по лесу, внушал страх и любопытство одновременно, и второе всё более затушёвывало первое. Ему удалось удивить опытную, искушённую женщину, вызвать недоумение, замешательство и одновременно притягательный интерес; да он попросту напустил на неё чары, как-то незаметно заморозил, хотя она не поддавалась и прекрасно знала: увязнет коготок — всей птичке пропасть. Но ведь он как-то угадал привлекательный аромат? Специально намазал во-

лосы, умышленно бродил незримо по опушке кедровника, чтоб она смогла его уловить, принюхаться, пристраститься и даже очароваться.

Как иначе объяснить своё непредсказуемое поведение?

А потом, ещё никогда в жизни и никто так долго не нёс её на руках: бывший муж всего дважды отрывал от земли: раз — от ЗАГСа до лимузина и другой — из роддома до такси. Его безнадёжно влюблённый младший брат лишь единожды донёс от порога до кровати, а все иные как-то и не догадывались, что ей доставляет невероятное удовольствие хотя бы на минуту избавиться от земного притяжения.

Теперь этот золотобородый благоухающий исполин со смешным уменьшительным именем Прокоша мчался с ней на руках, вызывая непроизвольное ощущение полёта, — так, что замирала душа. И хоть бы остановился на минуту дух перевести, перекинуть ношу с руки на руку! Кажется, напротив, ещё и ходу прибавлял, поскольку леший, обвешанный рюкзаками, на пятки наступал и раззадоривал, поторапливал:

— Наддай, Прокошка! Коль притомился, давай отроковицу!

Отдавать добычу в чужие руки жених не хотел. И откуда у него только силы брались! Женя видела его целеустремлённый профиль, совершенно спокойное лицо, плотно сжатые, волевые губы, обрамлённые золотистой растительностью, разве что чуть раздувались тонкие крылья носа, выдавая высокое внутреннее сосредоточение. Намасленные его волосы, вероятно, уже выветрились и лишь чуть отдавали запах, однако, оказавшись в его руках, она сразу же уловила особенно яркий источник аромата — он исходил от его широчен-